ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 27

ИЮЛЬ 1928 Г.

СМЕХАЧ

ЦЕНА
15 КОП.

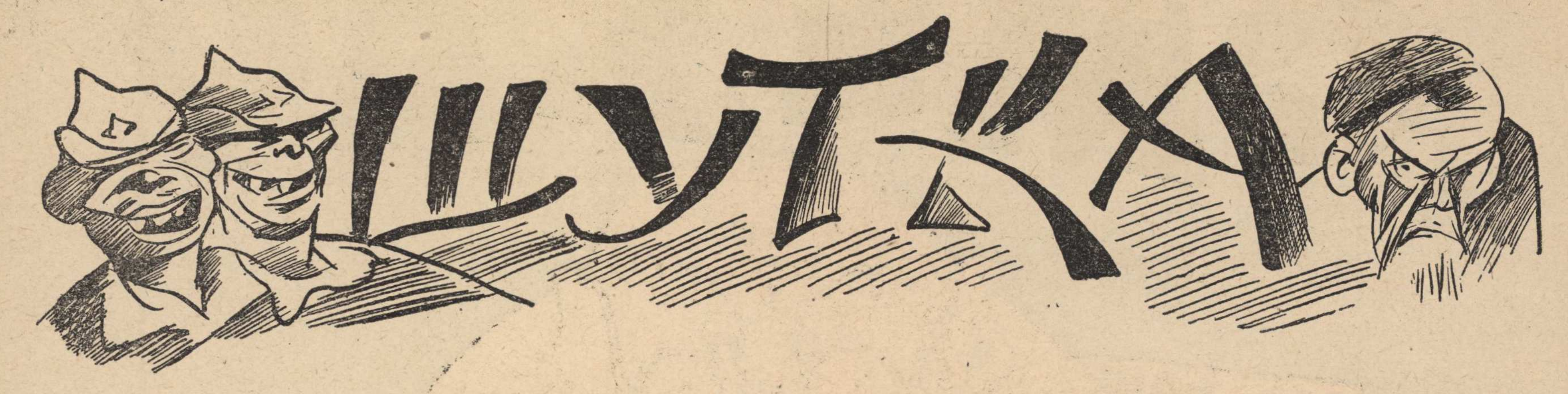

В ДНИ САМОКРИТИКИ

Рис. К. Ротова

— Вот я, ваш новый начальник! Прошу любить и жаловать... ся!

Текст А. Зорича *Рисунки А. Радакова*

ШУТКА

Четырнадцатого апреля этого года на центральную биржу труда во Владивостоке зашел, чтобы отметиться в секции чернорабочих, старик—китаец Ли-Тан-Чин. Он не знал русского языка и долго бродил, переходя от одного окошка к другому и знаками пытаясь об'ясниться со служащими, по длиннейшим и запутанным коридорам. В комнате демобилизованных, куда он, наконец, случайно попал, скучая, сидели у окошка на скамье два человека в красноармейских шлемах.

— Китаец! — сказал первый, когда Ли-Тан-Чин вошел и поклонился сидевшим, чуть согнув по старой традиционной привычке ноги в коленях: — Китайская харя.

— Лей-Пей-Чай... — зевнув, подтвердил второй: — ходя, косой чорт.

Китаец подошел к ним и быстро заговорил, улыбаясь и жестикулируя.

— В чем дело?—спросил первый человек в шлеме:—до чего быстро лопочут сволочи, ничего не разберешь. Вас волен зи, рябая морда?—прибавил он, мешая ломаный немецкий язык с отборной и скверной российской бранью.

Старик, не понимая, пожал плечами и быстро продолжал говорить, суя им в руки какую-то бумажку. Он улыбался доверчиво и наивно, и у глаз его складывались при этом лучистые добрые морщинки.

— Ведь вот смеется, сукин сын,—сказал второй человек,—а чему он смеется? Может, он нас сейчас, не перекрестясь, по матери кроет, а мы сидим, как турки, и ни чорта не понимаем. Митя, как думаешь, они по матери могут?

— Обязательно!—твердо сказал Митя:—уж это на каждом языке можно.

Он взял и развернул записку; там значился адрес биржи и секция чернорабочих.

— На работу, что ли, просишься?

— Работаль! Работаль!—Ли-Тан-Чин обрадованно закивал головой.

— В Китай езжай, тут своих ртов хватает! Всех вас кормить, пожалуй, рису не напасешься. Нах гаузе крой, к кошке под хвост! Понял?

... — Ходя!.. Косой чорт!..

Китаец стоял выжидательно, улыбался ласково, и кивал головой.

— Постой-ка! — сказал тогда второй человек в шлеме и весело подмигнул:—я тут видел пустые бланки в ящике...

Через пять минут Лин-тан-Чин вышел, сияя и не переставая бормотать слова благодарности, на улицу. В руках у него была путевка на владивостокский мыловаренный завод.

Он уже четыре месяца был без работы, нужда измучила его, и ужасающая нищета, в которой жила изголодавшаяся и оборванная его семья, наполняла его сердце отчаяньем. Теперь он отказывался верить внезапному своему счастью.

... — Нечего петрушку валять! — вскричал управдел.

Снова и снова разворачивал он и разглядывал путевку, и прижимал, улыбаясь светло, эту бумажку к груди, и нес ее бережно, как выигравший двести тысяч лотерейный билет. Вверху, в окне, подглядывая и прячась друг за друга, весело смеялись ему вслед два скучавших человека в красноармейских шлемах...

**

Ли-Тан-Чин пришел на завод и подал бумажку девице, сидевшей в конторе за столом регистрации. Она взяла путевку, пробежала первые строки, и густая краска стыда и возмущения выступила у нее на лице.

— Гадость!—сказала она и брезгливо и злобно взглянула на китайца.—Алексей Семенович, посмотрите!

Алексей Семенович, управдел, фыркая и изумленно шевеля бровями, прочел бумажку: она сплошь была исписана гнуснейшей и виртуозной руганью и нецензурными, циничными стихами. Китаец изображался в них, как наделенное всеми пороками и извращениями отвратительное чудище.

— Я девушка, и прошу оградить меня от оскорблений! — сказала конторщица и встала, оглушительно хлопнув папками по столу.

— Ты откуда же взял бланк? — строго спросил управдел, фыркая и вертя шеей.

Ли-Тан-Чин, ничего не подозревая, улыбался и кланялся снова, чуть приседая и сгибая ноги в коленях.

По тому, как его приняли, по брезгливому и враждебному выражению лиц, по тону, каким с ним говорили, он понял только, что бумажка не так хороша, как это вначале ему казалось, и работы могут не дать, и тогда опять придется, значит, пробродив весь день по набережной, ни с чем вернуться к измученной семье и снова увидеть слезы жены и детей, у которых стали такие прозрачные, изможденные лица и так явственно обозначились ребрышки на боках.

Эта мысль обожгла его, и, приложив ладони к сердцу, и цепляясь за последнюю надежду, он опять заговорил быстро и умоляюще захлебываясь, жестикулируя и стараясь выразить мимикой и жестами отчаянье, переполнявшее его существо.

— Ты постой, постой!—сказал управдел:—нечего петрушку валять. Говори, откуда взял казенный бланк, негодяй ты этакий! За такие художества ты знаешь, куда вашего брата гоняют? Ну-ка, присядьте, гражданин, как вас там...

Он жестом показал на скамью и вышел в соседнюю комнату звонить по телефону.

Ли-Тан-Чин сел, вздохнув облегченно и отирая рукавом пот, выступивший на лице; ему ясно было, что тронутый его словами его несчастьем, страданием его детей, большой начальник ушел распорядиться, чтобы его отправили на работу.

Вот сейчас его позовут в склады, и он снова, как четыре месяца тому назад, пойдет, кряхтя и весело покрикивая, с мешком на спине, по дощатым помосткам, и вечером ему выдадут, быть может, полтинник в кассе, и он принесет хлеба и сахара и даже полфунта дешевых, жилистых мясных обрезков домой. Первое мясо, первый суп за четыре месяца! Он опять улыбался счастливо, и лучистые, добрые морщинки снова собирались у глаз...

Он не понял ничего даже и тогда, когда в комнату вошел, вместо заводского десятника, человек с винтовкой за плечом. Вероятно, сторож, охранник: ах, плохие, злые люди ходят теперь всюду вокруг мест, где лежит хоть один фунт товара! Человек с винтовкой взял его путевку, свернул и положил ее в карман и привычно-равнодушно сказал:

— Ну, пойдем.

Ли-Тан-Чин вскочил, радостно засмеялся, и особенно низко и почтительно поклонился большому начальнику, что-то говорившему ему вслед. Хороший человек, отличный начальник! Люди нарочно делают строгие лица, чтобы затруднять доступ к своему сердцу...

**

Дальше все пошло, однако, совсем не так, как он предполагал. Его вывели с завода и велели итти по мостовой к центру города. Он знаками пытался спросить, в чем дело, и выяснить недоразумение, но конвоир прикрикнул строго и даже слегка толкнул его кулаком в спину.

Он подчинился, ощутив вдруг тоску и тревогу в сердце, и пошел. Мальчишки толпой бежали за ним по мостовой, прохожие на тротуарах останавливались и с любопытством смотрели ему вслед.

Ему стало стыдно и неловко: почему его ведут так, как будто он обидел кого-нибудь, или украл хлеб в булочной?

Его привели в уголовный розыск, отобрали документы, что-то записали в книгу, велели приложить к написанному палец и заперли в камеру, где сидят воришки и босяки. Тогда он понял, наконец, что его обманули и оскорбительно надсмеялись над ним, и ощутил мучительную обиду и невыразимую горечь в душе.

Он сел, забившись в угол, на холодном полу, уткнулся лицом в колени, и в первый раз за все годы, что он помнил себя, заплакал, не стесняясь чужих людей и их насмешек и острот—заплакал, тяжко, трясясь и всхлипывая, как плачут взрослые, мужественные, никогда не знавшие раньше слез люди.

...Мальчишки толпой бежали за ним, прохожие с любопытством смотрели ему вслед.

Ночью, разбуженные храпом и стонами, босяки вынули его из петли; только случайно он остался жить...

**

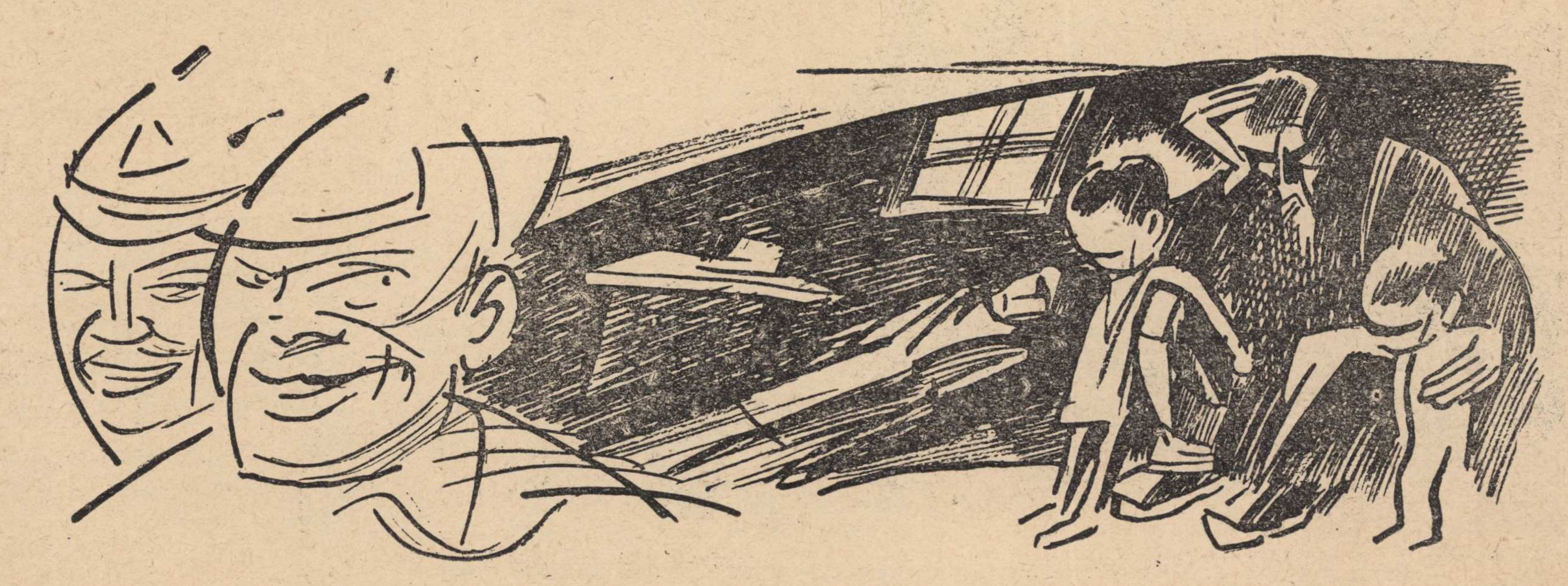
Через месяц состоялся суд. К этому времени были уже обнаружены люди, написавшие ту омерзительную бумажку на завод. Гамаюн и Чорели—оба оказались, к их стыду, демобилизованными красноармейцами, проведшими революцию под знаменем, на котором ярче других слов были написаны слова о любви к человеку.

Они ничего не поняли, однако, из того, что говорилось на суде о дикости, о хамстве, некультурности, об отравляющем новый быт, новую жизнь неуважении к людям; они посмеивались, пожимая плечами, и всячески показывали, что не знают, в чем, собственно, их можно обвинить.

Ну, пошутили от скуки, ну, написали несколько матерных слов. Так ведь, товарищи судьи, этими словами у нас, все заборы и памятники исписаны, трех шагов по улице не пройдешь, чтобы не услышать этих родных возгласов!

А здесь, вдобавок, китаец еще... за что же судить?!

А. Зорич

ШАХТИНСКОЕ...

(Как пишут историю репортеры буржуазной прессы)

Колонный зал в Доме Союзов. Стол, за которым сидят судьи, так завален папками, бумагами и «делами», что из-за них почти не видно самих судей. Допрашивается подсудимый. Какой — неважно. Все почти на одну стать.

Разница только во внешности. Внутреннее содержание, духовный облик, образ мышления, убеждения и политические чаяния у всех одинаковые. Все ждут царя. Все мечтают о пришествии капиталиста. Все любят выпить. Все любят хорошо покушать.

Все любят поиграть в преферансик. И все терпеть не могут пролетариата и пролетарской власти.

Председатель. Подсудимый! Вы давно служите на Донбассе?

Подсудимый. Больше двадцати лет. Поступил сейчас почти после окончания института.

Иностранные корреспонденты буржуазных газет записывают:

— «На вопрос председателя, сколько лет подсудимый прослужил на Донбассе, он ответил, что никогда Донбасса в глаза не видал, что он даже не знает, где находится Донбасс, и что он первый раз в жизни слышит это слово. У подсудимого очень честные глаза, и мы уверены, что он говорит правду».

Председатель. Подсудимый, вы признали себя виновным. Расскажите, как вы вредили.

Подсудимый. Виновным себя признал на предварительном следствии. Признаю себя виновным и сейчас. Я считался хорошим инженером.

Дальше он рассказывает, как затоплял шахты, как скрывал от советской власти хорошие пласты, как выписывал нарочно ненужные машины, а старые, нужные, потихонечку портил.

Иностранные корреспонденты буржуазной прессы нервно набрасывают карандашом:

— «Подсудимый заявил, что он никогда инженером не был. По образованию он врач, но его поймали на улице, заменили диплом врача дипломом инженера, после чего и посадили, а теперь судят. Ему совершенно незнакомы слова «шахта», «пласты» и «машина». Действительно, лицо у него чисто медицинское».

Прокурор. Подсудимый, вы получали деньги от старых шахтовладельцев?

Подсудимый. Да, получал. Через мои руки прошли большие суммы. Их пересылали мне бывшие хозяева шахт.

Быстро работает карандаш иностранного корреспондента, записывая:

— «На вопрос прокурора, получал ли подсудимый деньги от бывших шахтовладельцев, последний, т.-е. подсудимый, с удивлением спросил: «А что такое деньги?» Этот бессеребренник не знал даже, что на свете существует такой предмет, который называется «деньги». Подсудимому долго об'ясняли, что такое червонцы, рубли, фунты, доллары и т. д. Это замечательно бескорыстный человек».

Председатель. Когда Донбасс занимали белые, вы работали в контр-разведке?

Подсудимый. Да, работал. Только работал я не очень интенсивно. Всего выдал около десятка большевиков, которых повесили. Другие мои товарищи по скамье подсудимых лучше работали.

Иностранные корреспонденты пишут:

— «Из допроса выясняется, что у подсудимого золотое сердце. Он переживал страшные душевные муки, когда рабочих постигало несчастье. Он не мог видеть крови и всегда при владычестве белых на Донбассе старался видеть бескровную казнь рабочего, чем иную, кровопролитную. Это настоящий христианин».

Так пишут историю буржуазные репортеры буржуазных иностранных газет.

О. Л. д'Ор

СЛИШКОМ СНИЗИЛИ ЦЕНЫ!

Рис. К. Ротова

…м. отдел
…оссовета
…штрафо-
…л на 10 р.
…граждан:
…брамовича
… избиение
…рача. Эф-
…оса за удар
…улаком по
…ицу кон-
…дукторши,
…аничеву за
… несение
…обоев му-
жу...

— Вася, пусти... Дай уж и третьего долбануть... У меня с получки еще один червонец остался!

КАК МЫ ИСКАЛИ НОБИЛЕ

В наше распоряжение попал дневник секретаря редакции „Наш пищепровод“, освещающий ряд далеко не безынтересных фактов, имеющих прямое отношение к поискам генерала Нобиле, временно задержавшегося на Северном Полюсе. Полагая, что каждый материал по этому вопросу имеет историческое и научное значение, опубликовываем его с незначительными сокращениями. Автором его, тов. Сокращаевым, этот ценный дневник назван: „Как мы искали быв. генерала Нобиле“. За некоторые неточности в документе редакция не отвечает.

Сегодня редактор дал в кратком виде исчерпывающие директивы.

— Все ищут быв. генерала Нобиле. Мы тоже должны найти его.

— В порядке самокритики, — официально осведомился я, — или в дискуссионном?

— Ищите в ударном. Оформите! Уточните! Углубите!

Раз редактор так настаивает,—очевидно, генерал серьезный. Засел наверное под чужой фамилией в каком-нибудь тресте и нашкодил. Будет процесс — это ясно!

На всякий случай посмотрел в энциклопедический словарь. Никакого Нобиле нет. Пробовал на другую букву—тоже нет. Нашел что-то похожее: перпетуум - мобиле. Есть указания, что тоже не открыт, но, должно быть, это другой генерал.

Сегодня вызвал сотрудников.

— Товарищи, у кого нет большой нагрузки, необходимо смотаться на северный полюс.

— Если это построчно и по Ярославской дороге, я могу! — вызвался заведующий собраниями. — Сейчас загляну в расписание...

Снова заглянул в энциклопедию. Никаких указаний—ни губернии, ни уезда. Должно быть, за-границей.

— Генерал Нобиле находится на земле Франца Иосифа. Поняли?

— Значит, за-границей? — задумчиво подчеркнул городской хроникер Двоеточиев. — Насколько я читал в газетах, у нас насчет частного землевладения туговато...

— Необходимо узнать.

Вечером послали телеграмму с оплаченным ответом в Австрию.

— Просим узнать у Франца Иосифа, где его земля. Заранее благодарим за любезный ответ.

Ответ пришел совершенно неожиданный:

— «Как на зло, умер. Есть только вода Франца Иосифа. Требуйте во всех аптеках. Действует легко и нежно».

Придется ехать наугад.

Дал срочные распоряжения:

— Узнайте, в чем ходят на северном полюсе, где купить спецодежду, найдите подходящий ледокол и завяжите радиосвязь. Попробуйте на коротких волнах—длинные холодной температуры не выносят.

Для солидности прибавил редакторское предложение:

— Уточните! Оформите! Углубите!

Двоеточиев прибежал первым.

— Ледокол найден.

— Благодаря наступившей жаре,—доложил он заведующему уроникой,—в любом кооперативе громадный запас папах, валенок и теплых полушубков. В некоторых есть даже запас водолазных костюмов для велосипедистов. Согласны продать.

Время течет с лихорадочной быстротой. Один из коротковолновиков поймал странную радиотелеграмму:

— „Обойдя УМЗП и снесясь непосредственно с Модпиком, Теревсат вместе с Трамом и Габтом“... — дальше шло непонятное.

Уверены, что это от Нобиле. Хотя говорят по-русски, но очень много иностранных слов. Наверное название разных полюсов и кораблей. Голос приятный, но слегка простуженный.

Другой коротковолновик поймал откуда-то фокстрот. Судя по мотиву, тоже с севера, но откуда — еще неизвестно. Пытается расшифровать и перевести мотив на азбуку Морзе.

Пришла первая телеграмма от спецкора Двоеточиева:

„Временно — на станции Мамонтовка. Опрашивал дачников. Нобиле никто не видал, хотя некоторые что-то подозревают. Завтра с ускоренным выезжаю на полюс Льдов еще не видно“.

У другого спецкора сведения более точные. Краткая записка, полученная от него через посыльного (с подписью „Лично, срочно, конфиденциально“) гласит:

„Сидим с ледоколом в Зоопарке. Изучаем загадочный быт белых медведей. Ледокола зовут Митей. Он славный. Подробности телеграфно. Приближаемся“.

Пришлось составлять телеграммы по этим скудным данным.

Очень путают коротковолновики. Один из них оказался текстильщиком и путает громкоговоритель с телефонной трубкой Слушает мало, но очень много кричит в рупор. Уверяет, что все время говорит с Нобиле. Придется его отменить.

Сегодня была очередная телеграмма от Двоеточиева:

„Сообщите, нет ли каких сведений о Нобиле? Очень интересуюсь. Сегодня пересел на пароход. Адрес: Северный полюс, до востребования—мне“.

Другой спецкор ничего не пишет. Придется его разыскивать. В ударном порядке. Разыскиваю так углубленно и оформляю, что век будет помнить. Ледокол в городе. Зовут, действительно, Митей. Был в редакции. Уже пишет стихи.

От Двоеточиева новая телеграмма:

„Нобиле почти найден. Нахожусь в глубоком севере: телеграфирую с борта. Ваш корреспондент встречен приветственно. Телеграфируйте дальше директивы“.

На телеграмме значится: „Подана 7.30. Рязань“.

Действительно—где же этот самый северный полюс?

Вернулись.

Двоеточиев привез белые брюки из Рязани. Уверяет, что купил их на память, а дальнейший путь затерт льдами. Привез портрет Нобиле. Очень похож на Муссолини в молодости, но пришлось поместить. Нашелся и другой спецкор. Оказывается, что справлялся о северном полюсе у какого-то вузовца. Тот только что сдал экзамен и под честное слово сообщил, что это в Тамбовской губернии. Даром проездил.

Ходил с докладом к редактору. Боялся бури. Оказалось, что все кончилось благополучно.

— Нобиле не розыскан, — робко сказал я,—придется дать об'явление.

— Нобиле?! - удивился он.— А зачем он вам?

— Вы же сказали. Еще как сейчас помню: уточнить, углубить и оформить.

— Разве я сказал? Ну, хорошо. Тогда возьмите что-нибудь другое. Ну, хоть дачное строительство.

— А что с ним делать?

— С ним?—редактор немного задумался и с внезапным приливом энергии добавил: — Немедленно уточните, оформите и углубите!

Л. Арбатский

НЕ ХВАТАЕТ...

Рис. Н. Денисовского

— Не могу принять участия в этом конкурсе.
— Что, — времени не хватает?
— Нет... комнаты.

НЕ ВЫДЕРЖАЛА...

Рис. Б. Малаховского

— **Чего это стройка обвалилась?**
— **Не выдержала критики: ежедневно на нее десятки комиссий приходили!..**

ЧАСТУШКИ КУРОРТНЫЕ

Подкрутивши усики,
Лезет милый в трусики,
Потому, что для красы
Нужны милому трусы!

Ходит милый мой по пляжу,
Я на милого гляжу,
Взглядом милого я глажу
И—поверите ль?—дрожу!

Милый стал над синью вод,
Облака, как веточки!
Может, милый—счетовод,
А может заведующий!

Не пойди, милок, ко дну,
Покажи хоть скулы...
Уж такой пловец—ну, ну!
Человек-акула!

Я сижу и охаю...
Та ли я? Не та ли?
Мажет солнце охрою
Все мои детали!

Возле дачи полосат
Деревянный палисад.
Возле дачи стал народ,
Слышит: дачница поет.

Раскрывает дама зонтик,
Пропотела, греясь.
Пароход на горизонте
Совершает рейс.

Ах ты, милый мой, неловкий,
На меня ты погляди:
Мы с тобою—по путевке,
Нам с тобою—по пути!

Вижу море я до дна,
В море камбала видна, —
Ближе б коль к рукам была—
Поймалась бы камбала!

Загорела я, смотри—
Почернела краска, —
Мой папаша из Твери,
А я папуаска!

Зубило

МЫСЛИ ПАЙЩИКА

1. И у красного продавца должен быть белый фартук.

2. Плакат: «собак в кооп не вводить»—логичен! И без собак в коопах достаточно грызутся!

3. Посидеть можно не только на лавке, но и за лавку (кооперативную).

4. Кооператор, видящий последнего человека в огромной очереди, еще не есть дальновидный человек.

5. Отпускать товар нужно не только чистым весом, но и чистыми руками.

6. Не называй очередь возле универсала—универсальным средством вовлечения пайщиков в коопработу.

7. Поэт Пушкин никогда не заворачивал в кооператив, но кооперативы любят заворачивать в Пушкина.

8. Если публика наваливается на жалобную книгу, — это еще не есть исполнение лозунга «книга в массы».

9. Отпустив сто грамм по чеку на триста, не называй свой поступок грамматической ошибкой. Такой поступок называется обманом.

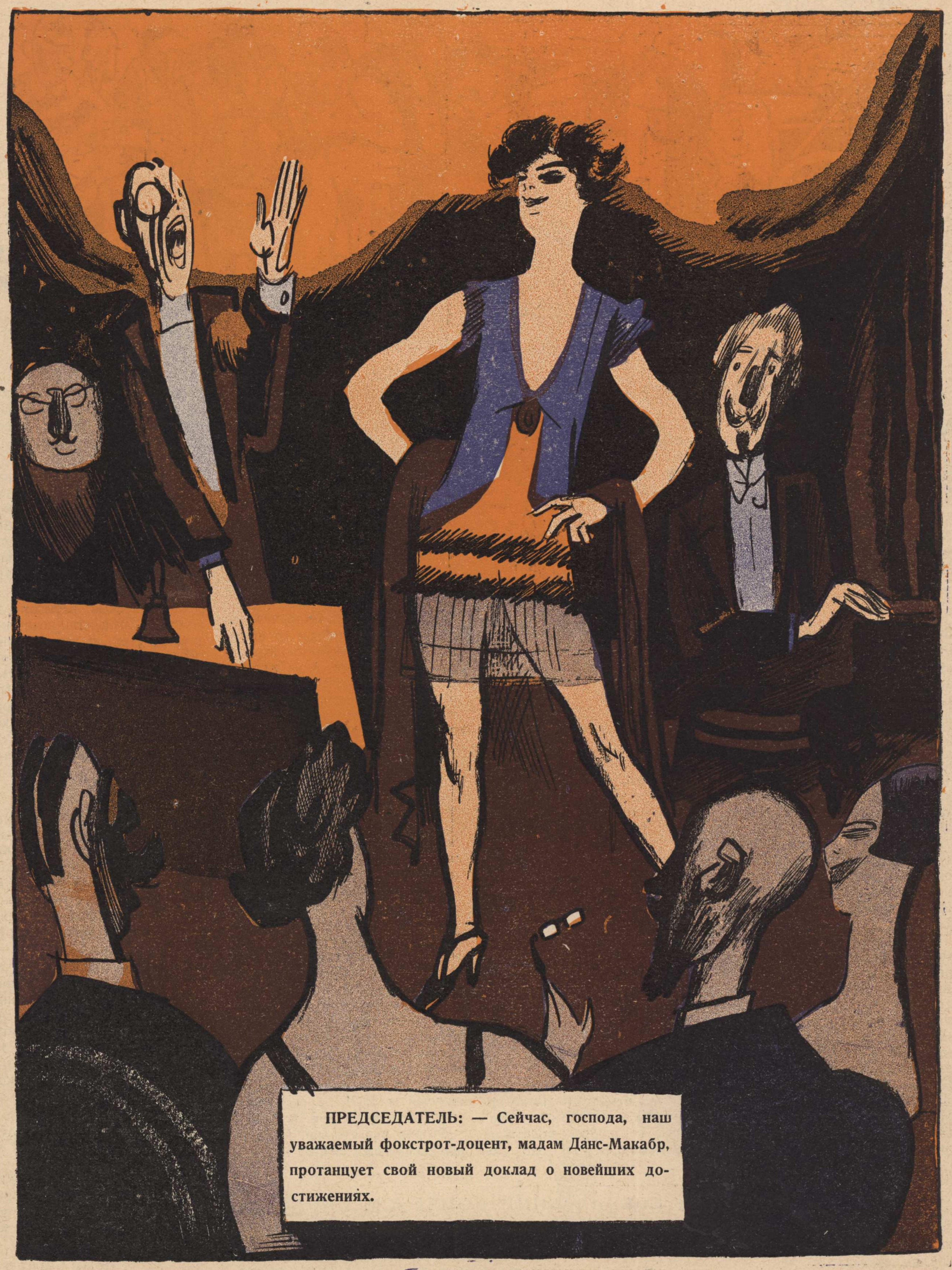
10. Чтоб частнику было куда положить зубы на полку, кооп нередко украшает свои стены пустыми полками.

Ков.

КОНГРЕСС ТАНЦА

Рис. А. Радакова

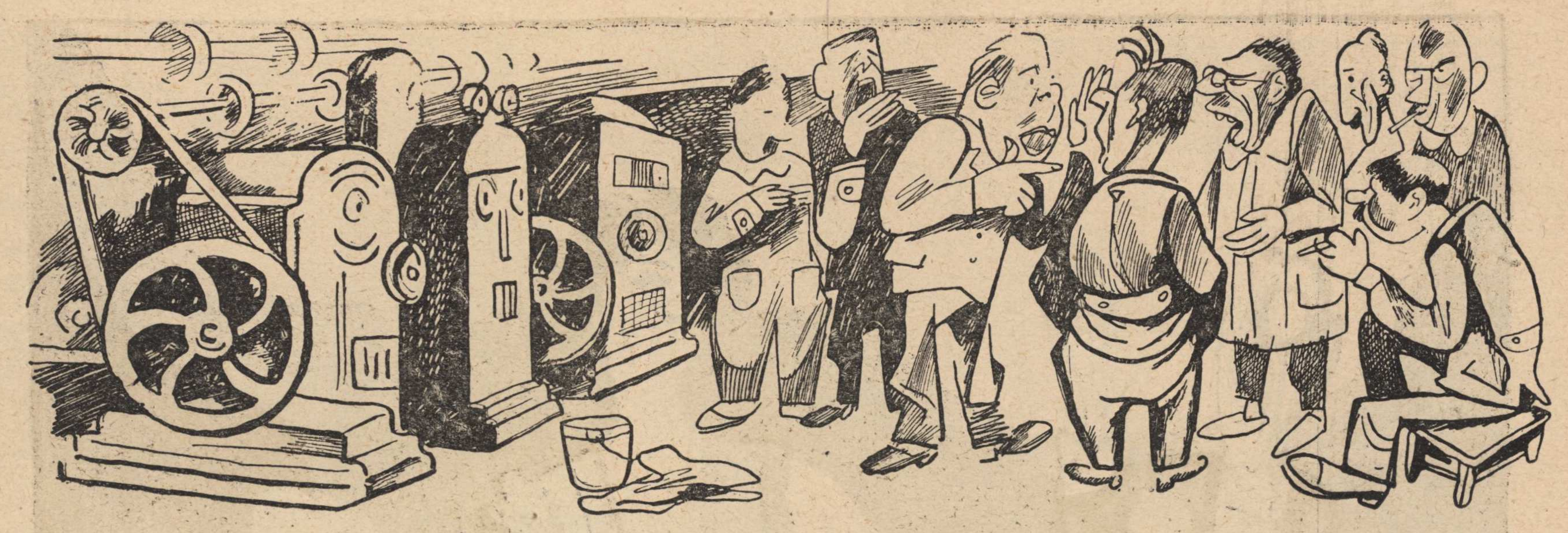
За границей открывается конгресс современного танца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Сейчас, господа, наш уважаемый фокстрот-доцент, мадам Данс-Макабр, протанцует свой новый доклад о новейших достижениях.

ДЕЛУ—ВРЕМЯ, САМОКРИТИКЕ—ЧАС,

Рис. А. Радакова

а бывает и наоборот: самокритике—время, а делу... пол-часа!

ГОРЬКИЙ СМЕХ

У промерзшего в своем летнем чугунном плаще Николая Васильевича, на темном точеном лице застыла навеки горькая улыбка.

Нету Гоголя с нами. Но «кувшиные и свиные рыла» из «Мертвых душ» еще живы. И «скрипят еще борзые перья писцов в судах и палатах».

**

Эту странную трагикомедию начал простой карандаш, глупый огрызок, торчавший недавно из кармана потертой толстовки некого электротехника студента Мацкевича.

Ибо именно им он однажды, в припадке вагонной скуки, нацарапал на вагонном-же плакате в дачном поезде № 55 Уссурийской дороги чей-то профиль в кудряшках, а может и просто рогатую рожицу.

А за этим чудовищным преступлением изловил его главный кондуктор Храновский, с места выразивший неудачному декоратору оглушительное негодование.

Преступник, сконфуженно спрятав роковой карандаш, мирно предложил грозному вагонному Юпитеру — во-первых, — получить 3 рубля штрафа, а во-вторых, — не беспокоить посторонних родителей, особенно по материнской линии, на которую особенно намекал невоздержанный на язык кондуктор.

Но, однако, свирепый начальник, продолжая ругаться, об'явил Мацкевича арестованным и приставил к нему свой конвой из двух бравых проводников.

На станции Океанская, куда и ехал Мацкевич с товарищем, тоже студентом Журавским, карандашный злодей был представлен дежурному, и дежурный, зевнувши, сказал:

— Ай-яй-яй! А еще образованные. Гоните трешку!

— Как так трешку? — изумился непримиримый Храновский.—Как? Три рубля за испорченный целый вагон? В таком разе я (трах-тара-рах!) я его (трам-тара-рам!) дотащу до Угольной... Там дежурный пожестче!

И как ни смешно, как ни дико, впихнул Мацкевича в свой вагон и насильно довез на станцию Угольную, несмотря на все вопли и призывы хотя-бы и к местной вагонной законности.

На этой станции — повторив всю программу (трах-та-рарах его, я ему покажу рисовать!) — Храновский убедил замотанного делами и спешкой дежурного, что уж ежели, дескать, Мацкевичу нельзя «оторвать, например, обе руки за его трых-тыхтых — художества», то тогда надо взять с него хоть десятку за обиду НКПС'у...

Обруганный оптом, разом на всю свою жизнь, будущий инженер, оглушенный словесными залпами, не нашелся к кому апеллировать и в панике уплатил, вопреки всем развешанным правилам, ровно половину студенческого месячного бюджета, но этой нелепой расправы не смог выдержать его спутник и сотоварищ Журавский.

**

Юный чудак ежедневно читал газеты. И питал необузданное доверие к силе печати, как к могучей защитнице попираемых кем-либо прав. Доверчивый юноша всей душой был за здоровую самокритику. А потому, пылая гражданскими чувствами, накатал в местное «Красное Знамя» заметку о свирепом, но глупом кондукторе и о случае с рожицей. А в конце, щеголяя пером, намекнул, что штрафное усердие кондуктора об'ясняется, вероятно, экономическими первопричинами, а проще сказать, — зверским желанием получить процент со штрафа.

Тут неопытный автор немного ошибся, ибо проценты со штрафов действительно даются, но только за зайцев. А за антиморальные декоративные и прочие пассажирские выступления и грехи (в том числе и за «трам-тарарам») все штрафы целиком поступают в кассу строгой нравом дороги.

Но ошибаясь хотя бы наполовину, автор был убежден в правоте слов тов. Сталина, что:

— *«Если критика содержит лишь 10, лишь 5% правды, то и такую критику надо приветствовать».*

Ожидания юноши оправдались с излишком.

Для начала его приветствовал Владивостокский суд, — пятью месяцами тюрьмы за клевету в печати,—вот гонорар поистине «сногсшибленный»!

Но принимая во внимание первое рабкорское выступление, а может и то оригинальное обстоятельство, что заметка-то даже и не была напечатана (т.-е. «в печати»), а только передана редакцией в РКИ, — суд решил считать приветствие условным.

Второе приветствие искатель правды получил уже от кассационного суда, который, вместо ожидаемой автором защиты, припаял ему снова пять месяцев, но уже не условно, а... — безусловно.

И, наконец, в той же самой газете появилась громовая статьюшка «из залы суда», в которой неведомый защитник печати, рыдая о судьбах ее, громил автора клеветником и негодяем, пытавшимся обмануть (трам-тара-рам!) газету.

Ошарашенный взрывом приветствий, мальчуган-новичек сел дома за стол, на котором писал свою первую пылкую заметку; поразмыслил о скользких путях самокритики и бренности громких лозунгов, о своей опозоренной, смятой приговором юной жизни, отложил опасное ему лично перо и... достал револьвер.

**

Пусть отец-старикан, исползавший нынче и «суды и палаты» — добьется, наконец, справедливости. Пусть снимает с памяти сына пятно и пусть снимает виновников с места, — но простой, потрясающий страшной своей наготой факт, останется фактом.

Факт, что из-за смешной, безобидной каракули на казенном плакате, из смешного вагонного трехрублевого дурачества возникло вдруг огромное, жуткое своей слепой бессмысленностью, своим «мертводушием» дело, — дело начинающего рабкора, растоптанного кувшиными и свиными рылами...

... — Вам, я вижу, читатели, что-то не очень смешно? И мне тоже.

Но зато вы теперь поймете, почему так мучительно-горько усмехается потемневший от времени Гоголь на гремящем московском бульваре.

Леонид Саянский

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

Рис. М. Черемных

Студентов из общежития можно выселять не ранее получения ими дипломов.

— Смотри, Вася, как нибудь не выдержи экзамена... А то на улице останемся...

АККУРАТНЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ

Рис. Ив. Малютина

— Руки вверх!
— А, извиняюсь, это будет «за» или «против»?

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

(ПАРОДИЯ)

В. МАЯКОВСКИЙ

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

У самого
берега
жил
рыбак—
Направо—
море,
налево
дом.
Каждое
утро
рыбак
натощак
Рыбку
ловил
неводом.
Ловил
и какого еще
рожна!
Ухи
похлебать
теперь бы.

Но была
у него
старуха
жена.
Хуже
не сыщешь
стервы!
Золотую
рыбку
поймал
рыбак,
Не чуя
скверной
истории,
И вот
попал
к жене
под
башмак,
Чтоб ей
сгореть
в крематории!

Семейная жизнь
превратилась
в содом—
Рыбак
вареного
рака
ошпаренней.
То выстрой
старухе
изящный
дом,
То сделай
ее
барыней!
Барыней побыла,—
требует,
чтоб
Звали ее
царицею.
Рыбаку впору
спрятаться
в гроб,
Ползает
мокрой
мокрицею.

Мне
попадися
такая
жена—
Зануда
старого
быта—
Я·б как гаркнул:
—«Цыц, сатана!
Сиди
у разбитого
корыта!»
Я бы разделал
ее
под орех,
Моргнуть
не посмела-б
глазом...
Читайте
журнал
«Новый Леф»
И—
никаких
сказок!

А. Архангельский

КАЖДАЯ СТРАНИЦА «СМЕХАЧА» — ТРИБУНА ДЛЯ САМОКРИТИКИ.
ВСЕ ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, РАЗОБЛАЧЕНИЯ НАПРАВЛЯЙТЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО В РЕДАКЦИЮ «СМЕХАЧА», ТВЕРСКАЯ, 28, МОСКВА, С УКАЗАНИЕМ НА КОНВЕРТЕ: «ОТДЕЛ ТРИБУНА».

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ.

Журнал «Красноармеец» (№ 5) поместил четыре рисунка под общим заглавием «Кормильцы».

На рисунках изображены городовой, урядник, жандарм и член союза русского народа.

Эпиграф к означенным рисункам следующий (приводим дословно):

Кто чем кормил народ во времена самодержавия (12 марта 1917—12 марта 1928 г.).

Что говорить,—нехорошо кормить народ каленым горохом, березовой кашей и т. д., но так же не хорошо кормить читателей-красноармейцев сведениями из которых следует заключить, что последнем днем самодержавия считается 12 марта 1928 года!..

★

В. Непомнящих.

Такова фамилия поэта, поместившего в журнале «Сибирские Огни» (№ 2) стихотворение, из которого приводим следующий стрывок:

И мне всегда, согревши тело
И грусть расплавив в теплоте,
Крылатым сделаться хотелось
И вместе с дымом улететь.

Ну стоит ли *в наши дни* мечтать о том, чтобы «улететь вместе с дымом» (не верхом-ли на метле?) и «крылатым сделаться»?

Уважаемый В. Непомнящих!

Много ли осталось у вас в Сибири поэтов, *не помнящих* о том, что они живут в век авио?..

★

В отрывке из романа *А. Липецкого* «Наперекор», напечатанном в журнале «Экран», про героиню романа сказано:

В высоком темносинем небе заодно с Машей дрожали белые пушистые звезды.

Прочитав это место, мы полагали, что героиня романа умерла (не живой же она вознеслась на небо в наши дни антирелигиозной пропаганды!).

Оказывается — ничего подобного: героиня А. Липецкого даже и не собиралась умирать.

Иными словами — она «совместительствовала»: основная ее работа была на земле, а на небесах героиня подхалтуривала.

Этому неслыханному рвачеству должен быть положен конец!!!

★

В номере 23-м журнала «Красная Панорама» Ольга Бертгольц договаривается до летящих... скворешен:

Вешний утренник прянул по грядкам,
Мерзлотой под шагами звеня,
И скворешня летит без оглядки
Мимо туч молодых, на меня...

Тут что-то не так... Должно быть, произошло как раз обратное: не скворешня летела без оглядки, а поэтесса Ольга Бертгольц, увидевши впервые в жизни на дереве скворешню, смертельно испугалась и пустилась от нее «лететь без оглядки»...

УЛИЧНЫЕ КАРТИНКИ

Рис. Кукрыниксы

«Чистота — залог здоровья».

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ОТ СКУКИ НА ВСЕ АНКЕТНЫЕ РУКИ

Последняя туча рассеяной бури анкет пронеслась над работниками просвещения Томского Окротдела.

Корчась в предсмертных судорогах, анкета пытается еще укусить своих гонителей.

Так, например, вопросный листок Томского Союза Работпрос ехидно спрашивает учителя:

— Грамотны ли?

Трудно думать, что в ответ на такую анкету учитель, по неграмотности, ограничится только крестиками, — скорее всего на всю анкету крест поставит... Тем более, что учителю задается в этой анкете шопотком и такой элегантный вопрос:

УДОВЛЕТВОРЕНЫ ЛИ ВЫ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНЬЮ И.... КАКОВЫ ВАШИ ПОХОЖДЕНИЯ??

Если учитель окажется грамотным и по части похождений, то он, как писал когда-то Демьян Бедный, начнет рассказывать: «про морской пляж и голые тела», и «про амурные дела», и «про сродство душ», и «про сердечную гармонию» и прочую такую антимонию.

«Меня девки миловали,
Меня девки целовали,
Заслюнявили весь рот...
Потому что — не урод!
Ех-те дрита,
Морда брита,
Знамо дело — не урод!

Веселенькая получится анкетка у томских профпросвещенцев... Ух, ты-ы-ы!!.

БОЛЬНЫМ УТЕШЕНИЕ...

Раз все у нас теперь рационализируется, — то почему же не рационализировать и конца жизни нашей?

В Новосибирске, где, как видно из нижеприведенного плаката, вполне рационализировано похоронное дело, — начали рационализацию именно с конца жизни нашей, — хотя и не с того конца.

В Новосибирске, по Рабочей улице, против хирургической лечебницы водрузили следующий плакат:

ГРОБЫ, ВЕНКИ, РЫТЬЕ МОГИЛЫ.
Плата общедоступная. По желанию усопших подаются катафалки. С заказами обращаться — улица Щетинкина.

Поскольку такой плакат «Похоронное бюро» установило против здания лечебницы, — можно предположить, что при похоронах по первому разряду кандидатов в покойники доставляют предварительно в означенную лечебницу для соответствующей операции, а оттуда уже, как говорится, «для поздравления» к месту погребения.

Хотелось бы, все-таки, от новосибирского похоронного бюро получить справочку, почему оно полагает, что операции, производимые в местной хирургической лечебнице, близки и родственны операциям похоронного бюро?

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Г. МАЙКОП. — ВАКУ.

Тов. Вак просто-напросто чертыхается...

Все ко всем чертям!
«К чорту жизнь мою пустую,
К чорту душу молодую,
К чорту дурость и терпенье» и т. д.

К чорту все стихотворенье, в котором сам чорт ногу сломит, чорт вас побери!

Какой чорт вас занес в «Смехач»! Так мы вас и напечатаем. Чорта с два.

ХАРЦИЗСК. — ДЕГТЮ.

«Я желал бы быть оптовым поставщиком материалов для «Смехача». При сем стихи: «Долой фининспекторов» и др.

Судя по вашим стихам, вы — частник, а с частниками мы сделок не заключаем. Мы можем произвести вас в звание «поставщика нашего двора» при том условии, что вы, минуя редакцию, сами отыщете на нашем дворе мусорную яму для своих произведений.

МОСКВА. — НИКУЛИНУ.

Мелочи пойдут. Фактические материалы, бытовые курьезы и фактические анекдоты принимаем с особой благодарностью.

ДОНБАС. — ДЕХТЕРЕВУ.

Вы пишете:

«Теперь наши червонцы
Не пойдут в частные руки,
А будем их складать
В государственные брюки».

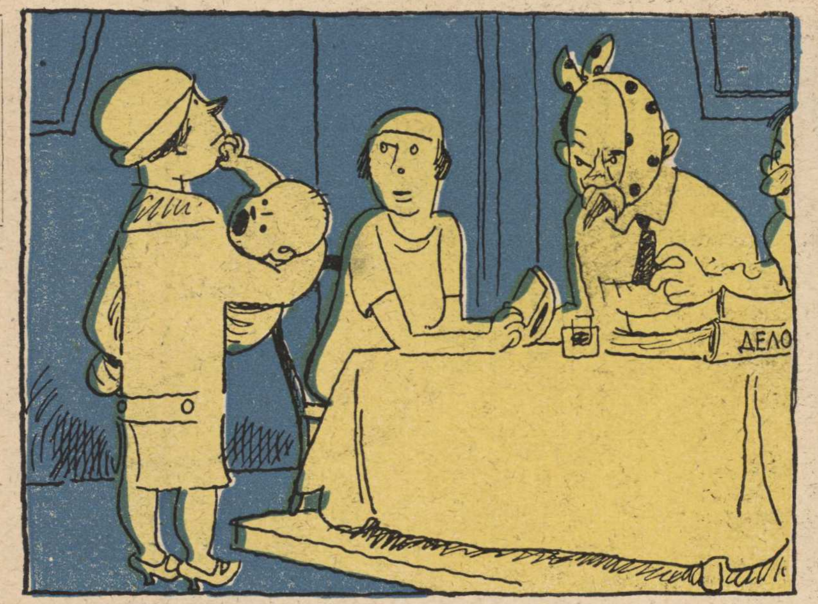
В отношении грамоты не совсем правильно, Дехтерев, а по существу похвально! За что мы и печатаем ваши стихи.

Издатель — «Гудок». Адрес редакции — Москва, Тверская, 28. Отв. редактор — А. Богдасаров.
Главлит № А15766. Отпеч. в тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Зак. № 1182. Тираж 100.000

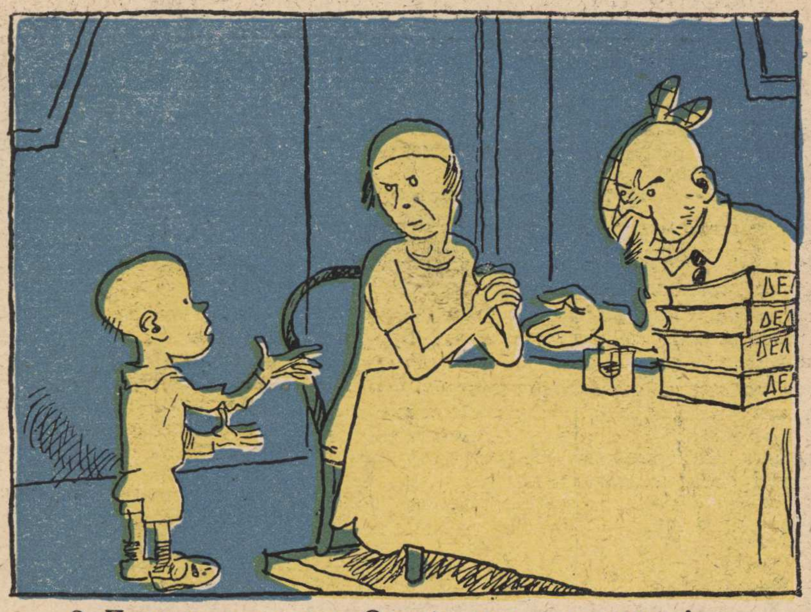
РЕШЕНИЕ ВО-ВРЕМЯ.

Рис. К. Ротова *Текст М Пустынина*

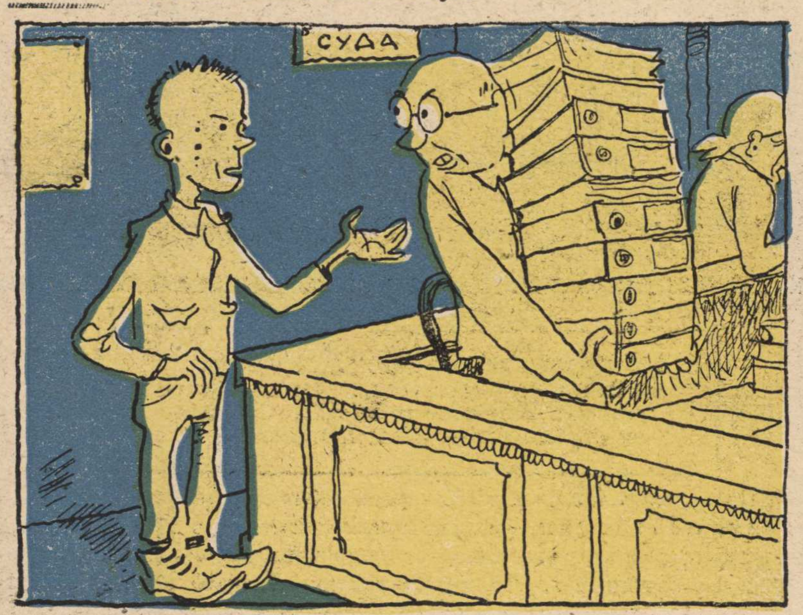
В Костроме одно алиментное дело последовательно откладывалось судом на 83, 100, 240 и 600 дней.

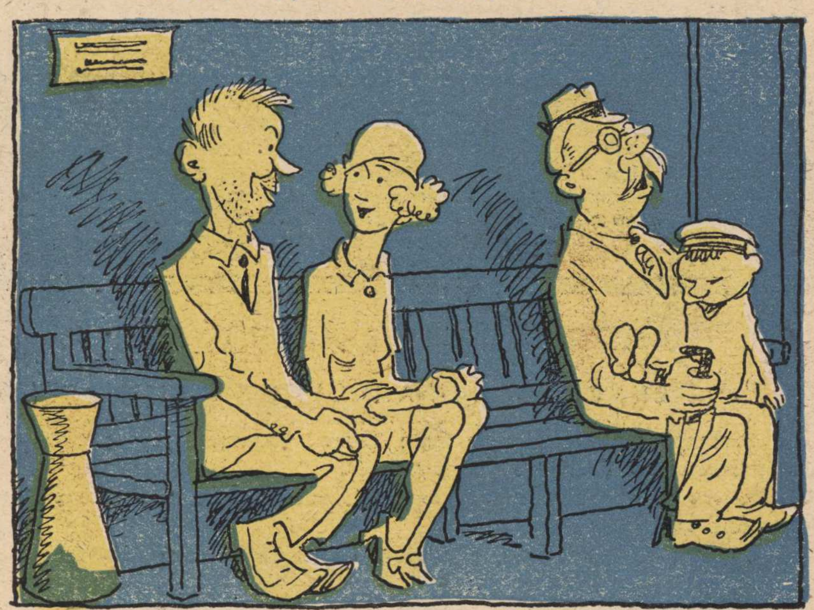
1. Мать, в нищете оставшись жуткой, —
Ужель бедняжку не спасут? —
С грудным малюткою Мишуткой
Ходила ежедневно в суд.

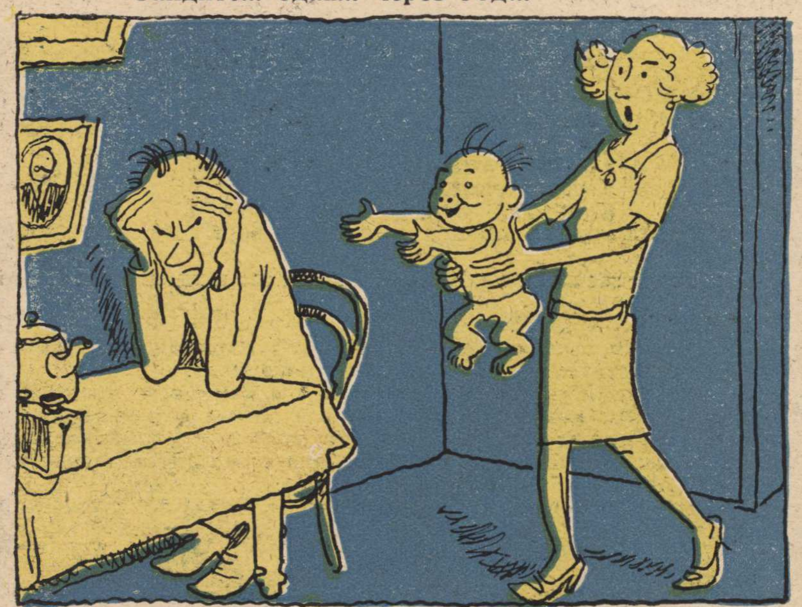
2. Прошло семь лет. С е м ь лет — не шутка!
Уже малютка не пищал, —
Уже права свои Мишутка
Собственноручно защищал!

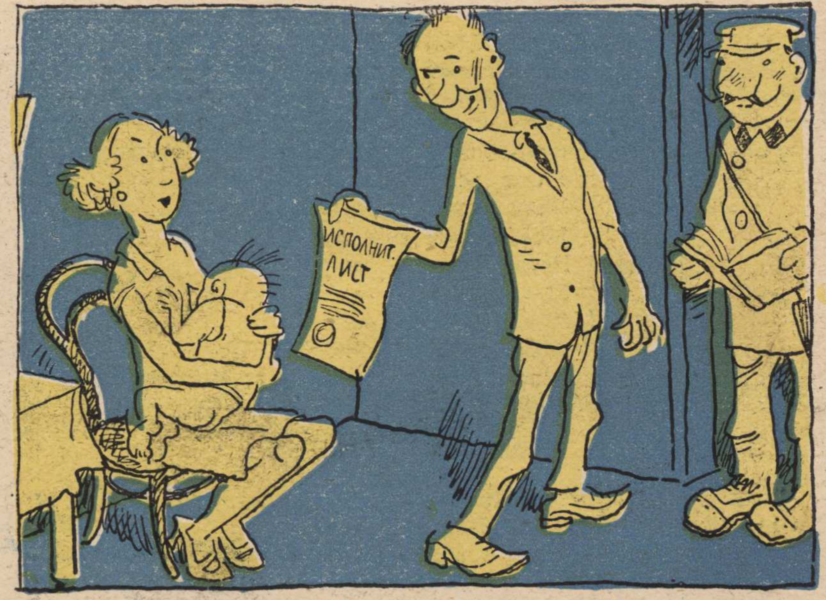
3. Еще лет восемь пролетело...
А секретарь, скрививши рот:
— «Мы отложили ваше дело!..
Зайдите... эдак... через год!..

4. Мишухе в суд ходить не мило...
Устал он от судейских клякс...
Он превратился в Михаила,
И на уме не суд, а Загс!..

5. У Михаила — сын Мишуха!
Хоть бьет родителя нужда,
Но Михаил не падал духом:
Он ждал... решения суда!

6. Стук в дверь... О, сладкие моменты!..
Счастливый папа «лист» берет...
— «Ура! Мне платят алименты!..
Теперь не страшен лишний рот!!!»